

Глава 33

Едва Шитоу вернулся в Улин, как сразу понял: небесный гром действительно гремит из-за Сюэ Линцзина. У Срединного пика с хмурым, встревоженным лицом его поджидал Фу Цинфэн. Завидев гостя, он тут же поспешил навстречу.

— Глава пика Фу, — у Шитоу не было времени на пустые разговоры, и он спросил напрямик: — Что случилось?

— Расскажу по дороге, — Фу Цинфэн увлек его за собой.

Шитоу молча отсчитывал ступени лестницы, понимая, что они направляются к Залу Выплывающих Облаков — обители Сюэ Линцзина.

— Вчера, едва разошлись гости, — заговорил Фу Цинфэн, — учитель снова допросил тех учеников, что соблазнились Порошком Восхождения к Бессмертию, да обманщика Вана. А после заперся у себя в Зале Выплывающих Облаков. Сегодня же на рассвете он внезапно созвал всех нас и объявил, что час его вознесения близок. Сказал, что уходит на Склон Обернувшегося Оленя встретить Бедствие Вознесения, запретил приближаться и наотрез отказался от помощи защитников...

Шитоу бесцеремонно перебил его:

— А прежде Сюэ Линцзин хоть раз упоминал о вознесении?

Фу Цинфэн растерянно и поспешно покачал головой:

— Нет, сам учитель никогда об этом не заговаривал. Но среди старейшин давно поговаривали, будто в юности он удостоился милости бессмертного владыки. Так что в его скором вознесении никто не усмотрел ничего странного.

— Ему еще рано возноситься, — отрезал Шитоу. — В его сердце затаился неразрешенный узел, да и духовных сил пока недостаточно. Тренируйся он усердно еще сотню лет, закаляя бессмертные кости, то, быть может, предстал бы пред небесными вратами векам к пяти. Но никак не сейчас.

Лоб Фу Цинфэна покрылся крупными каплями холодного пота. Он даже позабыл про любимое вино и лишь растерянно пробормотал:

— Неужели с учителем... неужели с ним случится беда?

Шитоу промолчал.

Они остановились перед Залом Выплывающих Облаков.

— Даоист Ши, — нерешительно произнес Фу Цинфэн. — Учитель строго-настрого запретил нам, ученикам Улин, переступить порог его покоев и тем более ходить на задний склон. Я хотел просить тебя...

Шитоу наконец слабо улыбнулся:

— Так вот почему ты караулил меня у самых ворот? А ты сообразительный малый.

Договорив, он дружески похлопал Фу Цинфэна по плечу рукоятью веера и перешагнул порог Зала Выплывающих Облаков. Сразу же в нос ему ударил тонкий, едва уловимый аромат. Запах тянулся из спальни и казался смутно знакомым.

Шитоу поспешил туда. Спальня Сюэ Линцзина оказалась бела и гола, точно ледяной грот — ни единого украшения. Постельные принадлежности были аккуратно убраны, чайная утварь, цинь и доска для вэйци исчезли со своих привычных мест. Лишь на прикроватном столике одиноко высился ларец из черного дерева с золоченой резьбой. Шитоу подошел ближе, открыл крышку и замер. Внутри лежало запечатанное сургучом письмо и крошечный сверток промасленной бумаги, от которого и исходил тот самый густой, сладковатый аромат.

Не спеша распечатывать письмо, Шитоу в несколько движений развернул бумажный сверток.

На помятом клочке кривыми, неумелыми штрихами были выведены три иероглифа. Шитоу впился в них взглядом, и в его ушах протяжно зазвенело.

«Порошок Восхождения к Бессмертию».

Помимо Верхнего, Срединного и Нижнего пиков Переправы Персикового источника, у школы Улин имелся еще и задний склон. Строго говоря, половина этой горы лежала уже за пределами Персикового источника и формально не принадлежала школе Улин.

Хребет тянулся с востока на запад, напоминая своими очертаниями замершего оленя, который оглядывается назад. Высоко поднятая шея, глубокие впадины глазниц, четыре колена, утопающие в цветущих садах Переправы Персикового источника, где буйно, точно розовые облака, клубилась весенняя листва. Но один из его каменных рогов упрямо выдавался наружу, за пределы благословенных земель — там громоздились лишь сиротливые, бесплодные скалы.

Именно на вершине этого «рога», на Склоне Обернувшегося Оленя, и решил принять свою небесную кару Сюэ Линцзин.

Сейчас глава школы Сюэ стоял у самого края обрыва, прямо под грохочущими струями водопада. Он уже омыл тело и сменил одежды. Облаченный в простое белое одеяние, с распущенными волосами, он казался чистым, точно выточенным из безупречного нефрита и льда. Вот только ресницы его были тяжело опущены, на лице застыла печать смертельной усталости, а губы подернулись нездоровой, синевато-серой бледностью.

В вышине, сотрясая небеса, один за другим гремели взрывы грозы. Но он не пытался укрыться, не читал защитных заклинаний — стоял прямо, не шелохнувшись, точно каменное изваяние. Он не был похож на того, кто пытается превозмочь испытание. Скорее, он искал смерти.

Бедствие Вознесения разительно отличается от обычного небесного гнева. Это жесточайшее испытание, призванное досуха выжать духовные силы заклинателя, переплавить его кости и каленым железом выжечь накопленную греховную карму. Лишь тогда пред ним отворятся небесные врата. Потому издавна великие мастера, готовясь предстать пред судом Небес, окружали себя десятками священных артефактов, призывали сотни учеников для защиты и выбирали средоточия духовных вен земли в качестве основы формаций. И все ради того, чтобы выдержать восемьдесят один удар молнии, отбросить брennую плоть и вознестись чистым духом.

У Сюэ Линцзина не было ничего. Он просто стоял в тишине на продуваемом всеми ветрами утесе. И на поясе его покоился вовсе не Веер Светлого Зеркала, а простой серебряный меч, с которым он тренировался еще в годы своего ученичества.

Он осторожно вел пальцами по гравировке на клинке. В последний раз он держал его в руках добрую сотню лет назад. Тогда он, еще совсем юный ученик в простом даосском халате, послушно сидел у ног того несносного, взбалмошного бессмертного владыки и разминал ему уставшие ноги. Тот тайком прихлебывал выдержанное вино из погребов Улин и лениво листал фривольные картинки, купленные в мире смертных. Бессмертный то и дело недовольно ворчал под его пальцами, больно щипал за щеку, если нажатие казалось слишком сильным или слабым, и ласково трепал по макушке, когда оставался доволен.

— Сяо Сюэ, — лениво протянул тогда бессмертный владыка. — Каждый раз, как я прихожу в Улин, именно тебе выпадает доля прислуживать этому несносному божеству. Скажи честно, не затаил ли ты обиду?

Что он тогда ответил, Сюэ Линцзин уже не помнил. В памяти осталось лишь то, что бессмертный владыка остался недоволен ответом: разочарованно надул губы, легонько щелкнул его по лбу и поднялся с топчана. Оправив широкие рукава, он произнес:

— В этой жизни тебе суждено встретить три смертных часа. Первый настанет в день гибели Юй Суцина. Второй — из-за Непочтительного приглашения божества. Третий же настигнет тебя в день твоего Бедствия Вознесения.

Бессмертный владыка лукаво прищурился, и его красивое лицо озарилось задорной, мальчишеской улыбкой, став ярким, точно распустившийся цветок персика:

— Мне как раз не помешал бы смысленный слуга, чтобы разминать мои старые кости на небесах. Ты мне по душе. Подарю-ка я тебе одну вещицу, что спасет тебя в эти три смертных часа. А взамен ты после вознесения будешь триста лет разминать мне ноги. Идет?

Сюэ Линцзин так и не вспомнил, что ответил тогда. Да и времени на воспоминания не осталось: небеса вновь содрогнулись от оглушительного грохота. Из груди Сюэ Линцзина вырвался хрип, он сплюнул на землю темную кровь и без сил рухнул на камни. Белые рукава его одеяний мгновенно пропитались багрянцем, расплываясь огромным цветком персика.

Он прикрыл глаза, шумно и прерывисто дыша. Казалось, молния ударила куда-то мимо, но он совершенно отчетливо услышал сухой треск — тихий, но навязчивый, точно копошащийся в ухе муравей, от которого невозможно отмахнуться.

По склону горы уже вовсю полыхал лесной пожар, в панике разбегалось зверье и расползались гады. Небесный гнев бушевал так долго, что превратил вершину в сущий ад, где даже дышать становилось тяжело. Сюэ Линцзину казалось, что его веки налились свинцом и он не в силах пошевелиться. Вслушиваясь в яростный треск пламени, он вдруг различил тихий, крадущийся шорох шагов.

«Пришел», — подумал он.

И тут же слух его резанул злобный, издевательский хохот.

— Похоже, великий глава школы Сюэ уже смирился со смертью, — голос раздавался совсем близко. — Даже вам, великий наставник, не под силу совладать с собственной греховой кармой. Ха-ха-ха-ха!..

— Сун Чжияй, — негромко позвал Сюэ Линцзин.

Бледный, изможденный юноша в непомерно широких лазурных одеждах, расшитых речными волнами, сошел к нему прямо сквозь стену дождя. Он покачивался, точно бумажный змей на ветру. Остановившись перед лежащим главой, он брезгливо пнул носком сапога опаленную землю:

— Что, великий наставник Сюэ тоже не может подняться?

С неба с грохотом сорвалась очередная молния. Сун Чжияй увернулся, но от резкого движения зашелся надсадным, сухим кашлем. Смахнув тыльной стороной ладони кровавую слюну с губ, он злорадно ухмыльнулся:

— Ты ведь соврал своим ученикам, верно? Сказал, что уходишь на вознесение, лишь бы они не прознали, что их чистейший наставник осквернен греховой кармой? Скажи, каково это — сгубить столько собственных последователей? Небось, когда молнии бьют по телу, на душе

становится легче? Оттого и не защищаешься. Великий глава школы Сюэ попросту испугался, что ученики увидят в нем жалкого труса! Ха-ха... Ха-ха-ха!

— Ты сам стоишь на пороге могилы, — холодно отозвался Сюэ Линцзин. — Твои души и покорные духи уже сожраны Пожирающими парчу червями. Совесть твоя и разум истреблены без остатка.

— Да, я умираю, — Сун Чжиюй снова закашлялся, зажимая рот рукой, но безумная улыбка так и не сошла с его лица. — Но перед смертью я развею собственный дух. Это тело доверху набито янской сущностью Пожирающих парчу червей. Стоит мне испустить дух, и их мириады хлынут наружу. Во всем Улин не уцелеет ни единая душа, кроме тебя и трех твоих преданных псов... Вы попались на простейшую уловку «выманить тигра с горы». Твои ученики далеко, ты сам выпускаешь дух — так к чему эти пустые речи? Наверное, невыносимо горько умирать от рук паршивого доходяги, а?

Не дожидаясь ответа, он резко выхватил из-за пояса эмэйские спицы и молниеносным, змеиным движением полоснул в лицо Сюэ Линцзина.

Тот едва успел уклониться, пригнув голову. Но оружие врага было слишком быстрым и легким, а сам Сюэ Линцзин, изнуренный ударами молний, с трудом сдерживал натиск. Лицо Сун Чжиюя становилось все более безумным, глаза налились багрянцем, а удары сыпались один за другим — хитрые, коварные, вязкие, в которых не было ни капли благородства праведных школ.

Уворачиваясь от выпадов, Сюэ Линцзин ровным голосом произнес:

— Ударам не хватает силы, шаги твои неустойчивы. Кто бы ни обучал тебя, он слишком торопился пожать плоды и забыл заложить основу.

— Прикуси язык! — яростно огрызнулся Сун Чжиюй, удваивая напор. — Моя душа от рождения была ущербной! Не прибегни я к запретным методам, которые вы, чистоплюи, презираете, разве дожил бы я до сегодняшнего дня?! Я лишь хотел выжить! В чем моя вина?!

— Чжан Цифэн тоже хотел, чтобы ты жил. В чем была его вина? — холодно спросил Сюэ Линцзин, отступая на несколько шагов назад.

— Учитель ни в чем не виноват! Мы с ним одной крови! — истошно взвизгнул Сун Чжиюй, словно ему наступили на открытую рану. — Если бы не вы... если бы не вы все, он бы уже давно был на Острове Пэнлай! Ходил бы, говорил, радовался жизни вместе со мной! Мы были бы неразлучны!..

— Ты лишь обманываешь себя! Ты собирался осквернить его тело и вырастить в нем червивые души! — гневно оборвал его Сюэ Линцзин. Он сделал еще шаг назад, и его спина уперлась в холодный, острый камень утеса. Отступить было некуда.

— Мы с учителем одинаковые! Только мы — настоящие! — Сун Чжиюй зашелся безумным смехом. Он бросил взгляд на багровеющее небо, и его зрачки расширились от предвкушения. В тот самый миг, когда над горой с ревом сорвалась очередная слепящая молния, он провернул эмэйские спицы в руках и нанес сокрушительный удар прямо в сердце Сюэ Линцзина: — Глава школы Сюэ! Перед тем как сгинуть от руки ничтожного червя, не желаешь ли оставить завещание?!

Каждое слово он выплевывал с яростным хрипом, нанося удар за ударом. Четыре стремительных выпада сотрясли скалу, выбивая каменную крошку. В глазах его полыхала безумная жажда крови, а вспышки молний озаряли полопавшиеся сосуды, похожие на багровую паутину.

Небесная молния и сталь эмэйских спиц одновременно вонзились в тело Сюэ Линцзина. Раздался резкий, оглушительный треск, точно раскололся драгоценный нефритовый диск, и Сюэ Линцзин, подобно каменной статуе, рассыпался прахом. Вслед за ним с грохотом раскололась скала позади, взметнув тучу серой пыли.

Сун Чжиюй согнулся пополам от торжествующего хохота, победно размахивая оружием. Ему казалось, что он обрел могущество, способное сотрясти сами небеса, и встал в один ряд с бессмертными владыками. Он шагнул вперед, желая насладиться зрелищем поверженного врага, но ухмылка мгновенно застыла на его лице.

На стальных спицах не было ни единой капли крови.

— Сюэ... Сюэ Линцзин? — хрипло выдавил он, озираясь по сторонам. — Где ты?

Он попытался развернуться, но грудь его внезапно пронзила острая, ледяная боль. Из его груди вырвалось острое серебряного клинка.

— Сюэ... Линцзин... — взревел он от ярости и мертвой хваткой вцепился голыми руками в лезвие меча. Игнорируя боль и сочащуюся сквозь пальцы кровь, он обернулся и встретился взглядом с Сюэ Линцзином.

Тот стоял перед ним совершенно невредимый, со спокойным и невозмутимым лицом.

— Я ведь говорил тебе: это не бедствие кармы, а Бедствие Вознесения, — тихо произнес Сюэ Линцзин. — Я не лгал.

Сун Чжиюй судорожно ловил ртом воздух, во все глаза глядя на него:

— Ты... ты действительно возносишься? Как это возможно... Как?!

Он безумно вращал зрачками, лихорадочно озираясь вокруг в надежде отыскать хоть кого-то

из тайных защитников главы школы, но вокруг выла лишь буря.

— Можешь не искать, — Сюэ Линцзин медленно извлек меч из его груди и опустил клинок перед собой. Его красивые брови едва заметно приподнялись, и в облике на миг проглянул прежний, давно забытый юношеский пыл: — Этот мастер и ученики Улин верны друг другу до конца. Сегодня здесь только ты и я. И мы решим наш спор не на жизнь, а на смерть!

<http://bllate.org/book/18360/1798446>